

УДК 65.01
ББК 60.80
К 43

Г.А. Киреев,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета; г. Майкоп, тел.: +7(8635)22-84-60, e-mail: kireev@agrina.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье подчеркивается, что экономическая сфера российского общества достигла состояния рыночной саморегуляции, что влияет на становление качественно новых параметров взаимодействия с системой социального управления. В статье делается вывод о том, что акторы экономической деятельности не имеют консолидированной позиции относительно целей и приоритетов социального управления в российском обществе, основываясь на формуле ограниченной социальной ответственности.

Ключевые слова: экономическая сфера, социальное управление, социальная дифференциация, социальная ресурсность, социальная ответственность.

G.A. Kireev,

Applicant of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe State University; Maikop, ph.: +7(8635)22-84-60; e-mail: kireev@agrina.ru

THE ECONOMIC SPHERE IN STRUCTURE OF INTERACTION WITH SYSTEM OF SOCIAL MANAGEMENT

Abstract. This paper emphasizes that the economic sphere of the Russian society reached a condition of market self-control that influences formation of qualitatively new parameters of interaction with system of social management. It is inferred that actors of economic activity have no consolidated position concerning the purposes and priorities of social management in the Russian society, based on a formula of limited social liability.

Keywords: economic sphere, social management, social differentiation, social resources, social liability.

Экономическая сфера российского общества находится в гибридном состоянии. В конце 90-х годов произошло становление новой модели собственности. Результаты приватизации привели к тому, что 3/4 предприятий имеют частную или смешанную собственность. Немецкий исследователь П. Козловски отмечает, что бюджетная

модель экономики вырастает из представления о заранее заданных целях и централизованно применяемых средствах их достижения. Экономика превращается в инвариант технической организации, производственных процессов, в рамках которой для достижения известной цели используются объективно значимые производственные факторы

[1; 233]. Можно трактовать это предположение применительно к инерционной модели российской экономики таким образом: до сих пор доминирует вариант технической организации производственного процесса, то есть экономика, перестав быть плановой, является производственной экономикой, в которой существует тенденция перекладывать существенные экономические проблемы на государственные регуляторы (Центробанк, министерства экономического развития, финансов).

Выявляя предпосылки этого процесса, можно сказать, что приватизация экономической сферы шла по варианту дарения, политики дарения государства. В рамках такого технического восприятия само развитие общества рассматривалось с точки зрения возможности экономического осуществления целей. Создание класса собственников трактовалось не как формирование нового слоя экономических акторов, а как становление политического класса. В этом смысле экономическая сфера вовлекалась в заведомо неэффективный цикл политической конъюнктуры, и до сих пор такая тенденция наблюдается в виде постоянного «перетягивания каната» между представителями бизнеса и власти.

Иными словами, экономика не задавала социально значимые ориентиры, а осуществляла связь со сферой политического регулирования. Поэтому малый и средний бизнес, как потенциальный носитель экономической субъектности, оставался в тени. Вероятно, социальному управлению через субъектность государства привычнее иметь дело с крупным бизнесом, с состоянием экономики, в котором возможно планирование и калькуляция ресурсов. Но дело в том, что экономическая сфера не выполняла контрольной функции, не является сферой проектирования и открытий, тем, что позволяет

рационализировать социальное управление.

Опыт экономического менеджериализма в социальной сфере показывает, что цели социального управления из стремлений к более высокой степени рационализации могут превратиться в формулы секвестирования, оптимизации структур социального управления, в которой теряется ее изначальный смысл как системы преумножения социальных благ. Оценка экономических результатов не может осуществляться из количества реализованных товаров и услуг, и в той же мере следует учитывать качественные параметры, связанные с изменением приоритетов социального управления.

Очевидно, что в сохраняющихся до сих пор производственных моделях социальное управление ограничивается минимальными социальными стандартами, так как его приоритетом является удешевление стоимости рабочей силы. Акторы экономической деятельности, прежде всего – крупный бизнес, считают недопустимым увеличение социальных обязательств, социальных расходов и затрат, исходя из дефицита инвестиционных ресурсов. В то же время можно сказать, что такая схема инвестирования не имеет высоких позитивных результатов, так как инвестиции практически превращаются в амортизационные расходы (поддержание в рабочем состоянии и ремонт оборудования), и, самое главное, воспроизводство рабочей силы осуществляется в состоянии вынужденной работы и вынужденной занятости.

Вывод о том, что доминирующим признаком, который определяет жизненные приоритеты акторов экономической сферы, является материальное положение [2; 33], свидетельствует не только о том, что экономическая сфера является основным источником воспроизводства, но и о слабом влиянии системы социального управления

на распределение социальных благ. Этот вывод закрепляется тем, что такие ценности, как профессиональная деятельность и образование, для специалистов-управленцев находятся лишь на третьем месте [2; 33].

Очевидно в этом отношении влияние экономической сферы на систему социального управления, в которой должностной статус и возможность должностной ренты также являются по существу аналогом ресурсной ренты в сфере экономики. Таким образом, экономическая сфера, построенная на приоритетах прибыли и материального положения (для работников), в какой-то степени компенсирует недостаток социально-дистрибутивной модели социального управления. Следствием этого является то, что социальное управление выполняет латентные функции. Фактически среди управленцев господствует стремление повысить свой материальный статус посредством накопления ресурсов для перехода в сферу экономической деятельности (частного бизнеса). Данное явление получило характер сращенности власти и собственности, но имеет и иное объяснение в том, что характер экономической деятельности, определяемый неравенством доходов, резкой социальной дифференциацией, приводит к тому, что сфера экономической деятельности является пространством материальной мотивированности, а влияние социально-развивающих управленческих воздействий воспринимается как чуждое и спорадическое. Отсюда состояние экономической сферы настроено на принятие административно-правового, ограничительного воздействия.

Можно говорить о том, что российская экономика отражает социальную дифференциацию российского общества, что разделение на сектора экономики для богатых и экономики для бедных приводит к тому, что не

определяется консолидированный сигнал социальному управлению относительно того, какой может быть сфера, в какой степени социально-экономическая сфера может способствовать ликвидации, сглаживанию социальных неравенств. Учитывая, что в российском обществе существует феномен работающих бедных, что к признакам бедности относятся такие параметры, как невозможность иметь интересную работу (15% респондентов) [3; 16], можно говорить о том, что экономическая сфера, хотя и является для 97,3% россиян основным источником доходов, не воспринимается не только как сфера профессиональной самореализации, но и как инструмент достижения материальной самодостаточности и независимости.

Более того, формы зависимости, характерные для экономической сферы, не могут считаться переносом иерархического строения модели субординации в системе социального управления. Здесь наблюдается своеобразие в том, что в экономической сфере дисциплинарные воздействия связаны с угрозой увольнения, лишения работы, премиальных, штрафов, понижения профессионального статуса, то есть складывается в большей степени произвол со стороны работодателей по отношению к работникам.

В такой же мере можно говорить о позиционировании внутри делового сообщества, в котором право на представительство интересов имеет крупный бизнес. Точнее говоря, крупный бизнес является основным источником сигналов системе социального управления по причине высокой политической ресурсности, опыта лоббирования, наличия юридического персонала, в то время как малый и средний бизнес действуют преимущественно неформальными методами, на уровне местных властей, вынуждены искать компромиссы с проверяющими органами. Немаловажное значение

имеют и такие факторы, как производственные и технологические различия. Сфера социальных услуг и товаров, которая, казалось бы, в непосредственной степени связана с социальным управлением, ориентированным на распределение социальных благ, является наиболее закрытой для осуществления коммуникаций. Очевидно, что ее воздействие дисперсно, связано с социальными микрогруппами, поддерживается на уровне иррегулярных отношений с клиентом.

Если говорить по отраслевому уровню, то естественным влиянием обладают монополисты, представители нефтегазового сектора, электроэнергетического комплекса, транспортных (логистических) услуг. Обращение к дифференциации социального влияния акторов экономической сферы имеет более сложную структуру. Здесь не прослеживается очевидной взаимозависимости между богатством и силой отдельных акторов и социальным влиянием. Более того, российский крупный бизнес, принимая формулы нейтральности в политике, в реальности действует через механизмы политического лоббирования.

Участие в социальных акциях, также как и выдвижение социальных инициатив, в большей степени свойственно представителям среднего бизнеса, который не деформализован, не является теневым в той степени, как малый бизнес, чтобы оставаться практически незаметным в социальной жизни, кроме случаев, когда речь идет об ущемленности индивидуальных и коллективных прав путем введения различного рода ограничивающих регулятивов. В то же время средний бизнес не обладает достаточными ресурсами для лоббирования собственных интересов, чтобы оказывать влияние на цели социального управления. Поэтому промежуточное положение вынуждает выстраивать стратегии ограниченного социального влияния,

которые связаны как с участием в реализации вынужденного спонсорства, так и стремлением заработать социально-репутационный капитал с целью снижения рисков рейдерства, получения определенного уровня защиты общественных структур или накопления ресурсов для вхождения в региональные и местные органы власти.

Подчеркивая это обстоятельство, можно говорить и о том, что влияние акторов экономической деятельности через сферу социальных коммуникаций ограничено, во-первых, наличием самой бедности и неравенства в экономической сфере и, во-вторых, существованием точек экспоненциального роста, связанных с частичным разделением ответственности со сферой социального управления. Влияние экономической сферы на состояние социального управления, таким образом, определяется тем, что экономическая инициатива, экономическая предприимчивость, инновационность экономического поведения являются теми стимулами, которые производят определенный позитивный эффект. Это выражается в том, что в сфере социального управления находят применение стимулирующие экономические воздействия. Речь идет о том, что в рамках осуществляемых социально-управленческих воздействий, к примеру, в Новгородской области в 90-е годы был предпринят опыт реализации социальных услуг со стороны предприятий населению.

В сфере взаимодействия с бизнесом в определенной степени реализовались возможности социально-ответственного бизнеса. В настоящее время доминирует концепция корпоративного эгоизма, который исходит из того, что единственная ответственность бизнеса – увеличение прибыли для своих акционеров. Наиболее оптимальной является концепция разумного эгоизма [4; 170], в которой заявляется,

что предпринимательство создает предпосылки для успешного долгосрочного развития. Известны практики социального шефства бизнес-структур в Волгоградской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае. Концепция корпоративного альтруизма, который задается в качестве ведущего зарубежного образца, достойного применения, стеснена в обстоятельствах, так как не отвечает умонастроениям тех, кто принимает решения в области внутренней и внешней социальной политики. В настоящее время можно говорить о том, что 25% опрошенных представителей бизнеса считают, что социальная ответственность заключается в создании рабочих мест, выплате заработной платы и уплате налогов государству [4; 172]. Этот показатель является модальным для понимания границ социальной ответственности в экономической сфере, прежде всего, со стороны частного предпринимательства.

Иными словами, создается ситуация, в которой государственные предприятия подчинены логике социального управления, и в этой сфере инициатива экономических акторов не является значимой. В то же время социальная ответственность частного предпринимательства ограничена тем, что часть предпринимателей (38%) полагают, что со стороны власти принимаются социально популистские действия. И действительно, ссылка на бизнес как социально безответственный отвлекает от неэффективности принимаемых управленческих решений акторов, создающих проблемные ситуации в системе управления. С другой стороны, общепринятым приемом является указание на непрозрачность отчуждаемых средств и неэффективность выдвигаемых целей, на то, какую отдачу обществу инвестиции могут произвести.

Практикуемая в ряде регионов целевая ответственность бизнеса,

шефство над отдельными сферами социальной жизни – здравоохранением, образованием (известен пример О. Дерипаски в информатизации базового образования в Краснодарском крае), не является переломным моментом, так как существующая узкая трактовка социальной ответственности связана с тем, что акторы экономической деятельности не готовы подменять собой государство с его социальными функциями. Согласно исследованиям А.Е. Чириковой, около 50% бизнесменов поддерживают идею социально-ориентированного понимания ответственности, предполагающую социальное воздействие не только на внутреннюю социальную политику, но и на внешнюю, на территории [4; 173].

Однако здесь следует еще определить границы экономической целесообразности, основанной на том, что экономия на социальных программах может привести к еще большим потерям, сузить рынок труда, усилить поток перспективной молодежи в мегаполисы. Таким образом, эта задача для представителей провинциального бизнеса является проблемой перспектив дальнейшего развития, потому что обезлюднение, депопуляция территорий, вымывание социально активной части населения приводит к тому, что бизнес вынужден воспроизводить схему дешевой рабочей силы, следовательно сталкивается с проблемой нехватки квалифицированных кадров для освоения новых технологий и, с другой стороны, вынужден ориентироваться на доступные невысокотехнологичные неконкурентоспособные виды продукции. Это в одинаковой степени касается и малого, и среднего бизнеса, но при этом следует принимать во внимание обстоятельства нехватки оборотных средств, и то, что происходит экономия на социальных программах, вполне объяснимо как последствие стратегии выживания. В этих условиях акторы

экономической сферы озабочены не столько своим личным имиджем в обществе или контактами с властными структурами, для них приоритетным становится сохранить собственный экономический капитал, дождаться более спокойных и благоприятных времен. При стремлении вкладывать деньги в территорию известной становится формула «по возможности», хотя необходимо отметить, что в ряде регионов на институциональном уровне создаются условия для развития малого и среднего бизнеса [5].

В этом контексте акторы экономической сферы упрекают социально-управленческую систему в чрезмерной социальной нагрузке, в том, что берутся неподъемные социальные обязательства. Это, отчасти, делается тенденциозно, чтобы тем самым сократить социальный контроль, который возможен при оптимальном расходовании финансовых средств, отказе от мегапроектов. Так как в сфере экономики ощущаются последствия, как отмечалось ранее, разрыва между бедными и богатыми и наличие бедных ограничивает развитие среднего и малого бизнеса, можно говорить о том, что для обратной коммуникации с социально-управленческой сферой обоснованно полагать равенство возможностей. Такой точки зрения придерживается 51% бедных и 71% небедных россиян [3; 113].

Впрочем, нельзя утверждать, что подобная точка зрения есть константа общественного самосознания, что среди акторов экономической деятельности возникла более действенная интерпретация меритократии, способная привести к пересмотру социально-распределительной политики. К такой осторожности подвигает, во-первых, то, что акторы экономической деятельности, если брать не работников, а собственников и организаторов (менеджеров) производства, нацелены на стабильность доходов и стабильность правил игры, особенно в условиях

кризиса. Выражаемая ими озабоченность связана, прежде всего, с тем, что в условиях дефицита финансовых ресурсов государство будет по необходимости прибегать к мерам принуждения. Так как средний и малый бизнес менее защищены от властных посягательств по сравнению с крупным бизнесом, речь идет о том, что именно на малый и средний бизнес перекладываются социальные риски, что возникает ощущение навязанной социальной ответственности. Это обстоятельство негативно влияет на перспективы развития бизнеса, на готовность завести самостоятельный бизнес.

В изложенном контексте акторы экономической деятельности демонстрируют стремление к тому, чтобы социальное управление сохраняло состояние стабильности, а развитие рассматривается по сценарию собственного усмотрения. Заслуживающим внимания является и тот факт, что российская бизнес-элита перестала ориентироваться на зарубежные образцы, и при всех различиях, которые существуют между собственниками, организаторами и лицами наемного труда, очевидной является позиция самоограничения желаний. Социальному управлению отводится роль компенсатора, громоотвода кризисных ситуаций. Подразумевается, что в условиях глубокого кризисного состояния государство обязано оказать необходимую поддержку экономической структуре, руководствуясь соображениями социальной стабильности, не допуская того, чтобы целые города стали полюсами безработных, и, с другой стороны, принудить к большей активности финансовые структуры в сфере кредитования и инвестиций.

Н.Е. Тихонова делает вывод о том, что экономика задает некую сетку социальных позиций, общую модель социальной структуры, и каждая из этих позиций предполагает наличие не просто объема

совокупного ресурса, но и активы определенной структуры [6; 271]. В контексте реализуемой цели исследования, очевидно, что состояние российской экономической сферы, которая воспроизводит сегментирование на государственную и частную, теневую, полутеневую, иллегальную, проецирует в сферу социального управления матрицу, связанную с сочетанием формальных и неформальных методов воздействия. При этом формальные методы структурируются в соответствии с вертикалью должностных статусов, а неформальные связаны с пространствами неправовой свободы, с возможностью заключения неформальных социальных контрактов.

Иными словами, принцип субординации, направленный на воспроизводство дисциплинарного эффекта, компенсируется маневренностью в сфере горизонтальных отношений: служащий, занимающий более низшую социальную должностную позицию, ориентируется на неформальные отношения, использование должностного ресурса для получения mzды, извлечения скромной, но постоянной должностной ренты. Агентами отношений со стороны экономической сферы выступают представители среднего и особенно малого бизнеса, которые не обладают достаточной совокупностью ресурсов, чтобы следовать формальным нормам или достигать приемлемых границ формальных норм для воспроизводства деятельности.

Можно констатировать, что экономическая сфера задает тренд рационализации, диктуемой критериями прибыльности, оптимизации расходов. С одной стороны, этот запрос формируется в виде дебюрократизации системы социального управления и отказа от практики компенсации собственных расчетов за счет бизнеса. С другой стороны, он вносит анархические влияния, характеризующиеся тем, что акторы

экономической деятельности, пытаются избежать ненужных формальных процедур, хождения по кабинетам, нацелены на полюбовные, неформальные контракты, что стимулирует нечестную конкуренцию по накоплению нужных полезных связей и заключению выгодных неформальных контрактов.

Так называемый «крышевой» метод, зародившийся в 90-х годах, в измененном виде проявляется и сейчас. Речь идет и о заведении совместного бизнеса, и семейных активах, и доверительных отношениях в узком кругу. Отмечая, что экономическая сфера развивается экспоненциально, а в обществе не наблюдается качественных преобразований, можно говорить, что такая ситуация диктует отказ от расширенного воспроизводства социального управления, чтобы в системе социального управления формировались новые поля управленческого воздействия. Возникает формула негласного разделения деятельности: социальная сфера осуществляет опеку над социально неадаптированными, незащищенными слоями населения, регулирует распределение минимальных социальных благ, обеспечивая, тем самым, прожиточный минимум как условие порогового значения социальной стабильности, а агенты экономической деятельности регулируют свою ответственность в рамках занятости и уплаты налогов.

Расширение этих границ, как отмечалось выше, связано с практиками социального альтруизма в крупных компаниях (Норникель, Лукойл), участвующих в реализации программ территориального развития, утверждения общественных фондов в различных сферах социальной деятельности, культуры, образования, науки. Такая ситуация может выглядеть удовлетворительной и бесконечно воспроизводящейся, если не обращать внимания на негативные обстоятельства, связанные с тем, что

сфера экономики не формулирует реальный запрос на потребности в работниках нового поколения, имеющих креативный потенциал, обладающих высокотехнологическим мышлением, а в социальной сфере наблюдаются застойные тенденции, связанные с отсутствием существенных подвижек в перестраивании организационно-нормативной модели и в обновлении кадрового состава.

Примечания:

1. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. 368 с.
2. Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
3. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя: аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. 168 с.
4. Чирикова А.Е. Государство и бизнес // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. Вып. 11. 480 с.
5. Посухова О.Ю., Заяц П.В. Оптимизация управления человеческими ресурсами как фактор развития Ростовской области // Научное обеспечение регионального развития: материалы междунар. науч. конф., 2015. С. 86-93.
6. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.

References:

1. Kozlowski P. Society and the state: inevitable dualism. M., 1998. 368 pp.
2. An employee in modern Russia / Ed. by Z.T. Golenkova. M.: The new chronograph, 2015. 368 pp.
3. Poverty and inequalities in modern Russia: 10 years later: an analytical report / Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. M.: RAS Institute of Sociology, 2013. 168 pp.
4. Chirikova A.E. State and business / Russia being reformed. Iss. 11: a yearbook / Ed.-in-chief: M.K. Gorshkov. M.: The new chronograph, 2012. 480 pp.
5. Posukhova O.Yu., Zayats P.V. Optimization of Management of Human Resources as a factor of the development of the Rostov region // Scientific support of the regional development. Proceedings of the international scientific conference. 2015. P. 86-93.
6. Tikhonova N.E. Russia's social structure: theory and reality. M., 2014. 408 pp.